

СУДЬБЫ ГОЛУБОГО ШАРА

вдруг какой-то металлический отзвук. И из глубины волн, сквозь скрежет ме-

НА ТИТУЛЬНОМ листе значится: «Оратория литовского композитора Э. Бальсиса «Не троньте голубой глобус» (текст В. Пальчинскайте) для хора мальчиков, трех солистов (дискант, меццо-сопрано, бас), двух фортепиано, контрабаса и группы ударных инструментов». Поначалу, не скрою, ловишь себя на некотором сомнении: не слишком ли разноречивы глобальная тема (раздумья о судьбе Земли, о жизни и смерти, о войне и мире) и несколько скромные в сравнении с ней средства музыкальной выразительности (например, такие «непевучие» ударные)? Но потом, знакомясь с музыкой оратории, убеждаешься, что все опасения были напрасны.

Перед нами в музыке — образ разноречивого, разнотонного земного шара, разбуженного чистыми, веселыми детскими голосами: «На землю пришло жить детство и солнечный свет». И спешит по земле Малыш, чтобы найти ответы на свои «почему», чтобы познать ценности мира, радости жизни.

Почти что видимые картины предстают в музыке. Вот осенний день в перезвоне детских голосов — колокольчиков. Спокойное, речитативное «объяснение урока» школьным учителем. И на сколько ладов и голосов подхватывает детский хор его простое и изначальное «до-ре-ми-фа-

соль-ля-си-до»! Слово «лепит» из букв слова, из слов — понятия, то поднимаясь, то опускаясь, то снова забываясь вверх — со ступеньки на ступеньку по чудесной лесенке знаний.

Блестя, переливаясь радужной звуков, снежинки. И у карнавальской елки мы слышим это (аккорды на фортепиано и пиццикатто «контрабаса»), веселый топот ног в стремительном беге танца. И «разговор» об интересных делах. И почти что естественный, безудержный детский смех, положенный на музыку. Перезвон капель, птичий гомон и пионерский отряд, шагающий с песней в поход... Залитый солнцем берег. Янтарное, все в переливах море, накатывающее и накатывающее свои волны. И ластящаяся у ребячьих ног пена. И Малыш, играющий на песке. А где-то неподалеку — шумная жизнь пионерского лагеря...

Да, музыка рисует эти картины. Но не только это. Она говорит нам, что рядом со счастливым детством наших детей живут и наши, взрослых, воспоминания, — то, что никогда не забудется. И вот уже меняются ритмы, характер звучания, в музыкальной ткани оратории рождаются символы. На веселом зимнем карнавале вдруг появляется Маска Разрушенного Города. Поют дети пионерскую песню, а под ногами шелестит и шепчет (буквально шепчет свою думашку) «трава» и отсчитывает нехитрое число годков кукушка тем — погибшим детям. Да и шум прибор приобретает

талла и топот кованых сапог, рождаются, как реквием, прозрачные голоса детей, погибших тем июньским летом...

И в финале в слитном единстве будто звучит взбудораженный мир; он призывает людей «не позволять траву превращать в пепел», а «бомбардировщикам смотреть в просторы земли, потому что на голубой мячик, на голубой глобус пришли жить детство и солнечный свет». Так музыка говорит с нами об очень значительном и большом — об ответственности за судьбы человеческие. И каждый воспринимает этот призыв как обращенное лично к нему потому еще, что нет большего богатства на земле, чем человек, продолжающий дела свои, себя в детях своих и внуках.

Важная тема произведения, его скупой, лаконичный, но вместе с тем очень емкий музыкальный язык, напевность, которая еще больше подчеркивается сменой ритмов и настроений, — все это присуще оратории Э. Бальсиса и позволяет причислить ее к наиболее значительному, что создано в этом жанре советскими композиторами за последние два-три года.

А. КУРЖИЯМСКАЯ.

ЗВЕСТИ

г. Москва

54 СЕН 1971